

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

И.А. Антонов¹, И.М. Алексеев²

¹ Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация

² Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

7 февраля 2020 г.

Дата принятия в печать

21 июня 2021 г.

Дата онлайн-размещения

2 июля 2021 г.

Ключевые слова

Уголовно-процессуальная политика;
профилактика преступности;
коммуникативная теория права;
уголовно-правовой конфликт;
потерпевший; освобождение от
уголовной ответственности; судебный
штраф

Аннотация. Рассматривая уголовно-процессуальную политику и ее роль в деле профилактики преступности, авторы используют коммуникативный подход к теории права. Применение указанного подхода позволило определить содержание уголовно-процессуальной деятельности, выходящее за рамки применения уголовного закона. Этим содержанием выступает способность урегулировать социальные конфликты уголовно-правового характера. В этом контексте уголовно-процессуальная форма рассмотрена в качестве платформы для разрешения социальных конфликтов, посредством которой стороны в процессе коммуникации разрешают возникший конфликт в социально приемлемых формах. Вовлеченность потерпевшей стороны в процесс коммуникации, обусловленный преступлением, повышает воспитательное воздействие уголовного процесса и его значение в профилактике преступности. В качестве основы для реформирования процесса предлагается использовать упрощенные процедуры уголовно-процессуального права и взять за основу процедуру прекращения уголовного дела с применением меры уголовно-правового воздействия в виде судебного штрафа. Указанную форму авторы предлагают использовать также и при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, за тем исключением, что при примирении сторон доказыванию должно подлежать только наличие оснований, предусмотренных ст. 76 УК РФ. При их установлении следователь обязан возбудить перед судом соответствующее ходатайство, а суд, убедившись в их существовании, вынести решение о прекращении уголовного дела.

PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE CRIMINAL PROCEDURE POLICY IN CRIME PREVENTION

Igor A. Antonov¹, Igor M. Alekseev²

¹ Academy of Management of the Ministry of internal Affairs of Russia, Moscow, the Russian Federation

² Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia, Krasnodar, the Russian Federation

Article info

Received

2020 February 7

Accepted

2021 June 21

Available online

2021 July 2

Keywords

Criminal procedure policy; crime
prevention; communicative theory
of law; criminal law conflict; victim;
exemption from criminal liability;
judicial fine

Abstract. The authors use a communicative approach to the theory of law in their analysis of criminal procedure policy and its role in crime prevention. This approach allowed them to determine the content of criminal procedure work that lies outside the scope of criminal law. This content is its ability to regulate social conflicts of criminal law character. Within this framework, the criminal procedure is viewed as a platform for resolving social conflicts, the sides use it to resolve a conflict between them in socially acceptable ways in the process of communication. The involvement of the aggrieved party in the process of communication in connection with the crime intensifies the correctional impact of the criminal process and its significance for crime prevention. The authors suggest using simplified measures of criminal procedure law for reforming this process and basing it on the procedure of terminating a criminal case with the imposition of a court fine as a measure of criminal law influence. They suggest using the same approach when terminating a criminal case due to the reconciliation of the sides, with one exception: during the reconciliation of the sides, only grounds provided for in Art. 76 of the Criminal Code of the Russian Federation should be proven. If they are established, the investigator is obliged to petition to the court and the court, having established their validity, should decide to terminate the criminal case.

Реализация уголовно-процессуальной политики в сфере профилактики преступлений — это многоаспектный феномен, исследование которого необходимо начать с рассмотрения

общетеоретической характеристики уголовно-процессуальной политики и ее места в системе профилактики преступлений. Так, уголовно-процессуальная политика является составной частью

уголовной политики государства, направленной на выработку и применение форм реализации норм уголовного права [1, с. 70]. Решая поставленные задачи, уголовно-процессуальная политика наполняется собственным содержанием, которое выходит за рамки применения норм уголовного законодательства. Этим содержанием выступает способность урегулировать социальные конфликты уголовно-правового характера. В свою очередь, способность влиять посредством уголовно-процессуальной политики на социальную напряженность в стране выступает важным элементом предупреждения преступлений [2; 3].

Одним из элементов уголовно-процессуальной политики является профилактика преступлений, которая состоит из предупредительной деятельности государства, его отдельных органов, общественных организаций и всего общества в целом. Причем эта предупредительная деятельность также имеет несколько компонентов, включающих в себя общесоциальные и специально-юридические меры. Эффективность системы профилактики преступности во многом зависит от комплексности использования указанных компонентов, от качества взаимодействия государства и общества в ходе реализации отдельных мер предупредительной деятельности, выработанных в том числе с помощью уголовно-процессуальной политики государства [4].

При этом, говоря о взаимодействии государства и общества, в ходе профилактики преступлений нельзя обособлять их, развивая параллельно друг другу государственные и общественные институты, а затем решать вопросы их взаимодействия. Как показывает практика, такое взаимодействие зачастую носит поверхностный, формальный характер. Все сводится к отчетам о совместно проведенных мероприятиях. По нашему мнению, это экстенсивное направление развития уголовно-процессуальной политики, необходимо перейти на интенсивный путь развития в сфере профилактики преступлений.

В современных реалиях необходимо создавать платформы для взаимодействия, на основе которых государство и общество смогут совместно решать вопросы предупреждения преступлений [5]. На данное обстоятельство обратил внимание Владимир Владимирович Путин, отметив, что важно «последовательно добиваться снижения уровня преступности, в повседневной работе ориентироваться на самые жесткие стандарты и требования, чтобы граждане России были уверены, что, обращаясь к сотрудникам органов

внутренних дел, они встретят понимание, человеческое отношение, а их права и свободы будут надежно защищены» [6].

Важность поставленной Президентом России задачи трудно переоценить. Однако ее решение по-прежнему нельзя признать удовлетворительным. Несмотря на то что за последние 10 лет индекс оценок работы полиции неуклонно растет, сотрудникам полиции доверяет только 54 % населения¹. По результатам проведенного ВНИИ МВД России исследования общественного мнения в подразделения полиции обратились только 46 % потерпевших от преступных посягательств².

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что выработанный юридическим позитивизмом подход к правовому регулированию общественных отношений рассматривает потерпевшего исключительно как объект регулирования, а не как полноправного участника отношений, возникающих между сторонами обвинения и защиты.

Уголовно-процессуальная политика государства в последние десятилетия достигла немалых успехов в этом направлении. Однако, по справедливому замечанию П.В. Ильина, обращение в правоохранительные органы с заявлением о совершении преступления многие жертвы преступлений вполне обоснованно расценивают как малоперспективное действие, не только не стоящее тех затрат времени и сил, которые нужно будет понести, но иногда еще и довольно опасное в связи с агрессивными проявлениями, которые последуют со стороны виновного. В случае же участия в уголовном процессе обширный набор прав потерпевшего остается во многом невостребованным, так как большая часть этих прав связывается с информированием потерпевшего о ходе процесса, но не позволяет оказывать на него значимого влияния [7, с. 4].

Необходимо констатировать тот факт, что потерпевший как представитель стороны обвинения, несмотря на все усилия государства, до сих пор не воспринимается в качестве полноценного участника стороны обвинения. Ситуацию необходимо менять кардинальным образом. Потерпев-

¹ Полиция и граждане: мониторинг общественных оценок : аналит. обзор от 6 нояб. 2019 г. // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9990>.

² Основные результаты исследования общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Всероссийский научно-исследовательский институт : офиц. сайт / Министерство внутренних дел Российской Федерации. М., 2021. URL: <http://www.vnii-mvd.ru/node/2902>.

ший должен стать самодостаточным участником процесса со стороны обвинения. Его интересы необходимо поставить во главу целей уголовного процесса России. Современный уголовный процесс должен отталкиваться не от преступления, а от потерпевшего. При этом, выдвигая этот тезис, мы говорим не об уклоне на процессуальные гарантии, предоставляемые этому участнику процесса. Это обусловлено тем, что, развивая указанное направление уголовно-процессуальной науки, большое количество работ, в том числе монографического уровня, авторы посвящают потерпевшему, усилению его роли в процессе, однако качественного изменения ситуации в целом, по нашему мнению, добиться так и не удалось.

Однако прежде чем перейти к анализу обозначенных нами проблем реализации уголовно-процессуальной политики в сфере профилактики преступлений, считаем необходимым подробно остановиться на отдельных, важных для исследования методологических аспектах, без обоснования которых картина исследования будет не ясна.

Неспособность в рамках традиционной юридической доктрины изменить роль потерпевшего в уголовном процессе заставила нас искать другую основу для исследования уголовно-процессуального права [8]. В качестве такой основы мы используем активно развивающийся в последние десятилетия коммуникативный подход к правовой теории, где право выступает как средство взаимодействия между людьми и устанавливает границы такого взаимодействия [9; 10].

Исходя из коммуникативного подхода, провозглашающего языковую картину мира [11–13], уголовный процесс, выполняя свое назначение, выступая способом коммуникации, разрешает конфликты, возникающие в обществе, которые в своей основе носят уголовно-правовой характер [14]. Так, профессор Л.В. Головкич отмечает, что сегодня в теории права недооцененной является функциональная роль права как инструмента разрешения социальных конфликтов [15, с. 92]. В свою очередь, профессор А.В. Смирнов указывает, что настоящая, а не декларативная цель уголовного судопроизводства — разрешение социальных конфликтов [16, с. 11].

На первый взгляд, кажется, что указанное суждение незначительно влияет на природу соотношения уголовного и уголовно-процессуального права. Однако это не так. Коммуникативное понимание уголовного судопроизводства позволяет говорить об уголовно-процессуальной форме как платформе для разрешения

конфликтов. В данном случае угроза наказания выступает в качестве фактора, побуждающего стороны к разрешению конфликта.

При этом сам факт совершения преступления утрачивает значение основы уголовно-процессуальных отношений. Только при наличии конфликтующих сторон может быть запущен уголовно-процессуальный механизм его урегулирования. Так, Л.В. Головкич утверждает, что подлинно правовая логика возникает только тогда, когда спор между сторонами процессуализируется и решение конфликта осуществляется в установленном законом порядке, если же правонарушение не выявлено или стороны нашли способ примириться без использования правовых средств, то в этом нет ничего правового [15, с. 93, 99].

Например, если у лица похитили кошелек с деньгами, однако это лицо, заблуждаясь, считает его утерянным, то, несмотря на существование факта преступления, конфликт отсутствует, и нет необходимости его урегулирования посредством применения уголовно-процессуальных форм. И может создаться противоположная ситуация, когда лицо потеряло принадлежащую ему вещь, однако, заблуждаясь, считает, что ее у него похитили, и может быть даже подозревает в этом конкретное лицо. При отсутствии факта преступления ввиду возникшего уголовно-правового конфликта необходимо применение средств его урегулирования, воплощенных в нормах уголовно-процессуального права.

Как видно из указанных примеров, возникновение уголовно-процессуальных отношений не зависит от факта совершения преступления, вместо этого на первый план выдвигается позиция стороны конфликта, которая опосредована социальными практиками в конкретной исторической эпохе и среде.

Наполнившись коммуникативным содержанием, уголовный процесс из формы применения уголовного закона трансформируется в форму урегулирования социальных конфликтов, где главенствующая роль принадлежит потерпевшему как стороне конфликта, а следовательно не более чем его помощник, выделенный государством для того, чтобы потерпевший мог полноценно реализовать свои права. Однако, как прийти к «светлому будущему», мы, откровенно говоря, не знаем, по крайней мере пока. Как вариант — лишить следователя власти по формированию доказательств. Так, в советскую бытность без особых успехов боролись за качество обслуживания покупателей, и, только лишив продавцов власти по распределению де-

фицитного товара (ввиду насыщенности рынка), проблема качества обслуживания решилась сама собой. Но в настоящее время лишение следователя власти по формированию доказательств, по нашему мнению, слишком уж радикальный способ добиться желаемого результата.

При этом, если мы хотим, чтобы общественность принимала активное участие в предупреждении преступлений, необходимо создать простую и удобную в применении уголовно-процессуальную форму, где потерпевший — активный пользователь, а не источник информации о преступлении. Конечно, это не означает отказ от использования информации, полученной от потерпевшего в доказывании. Это означает отказ от понимания потерпевшего как «винтика» в уголовно-процессуальном механизме, который нужен только для того, чтобы его запустить, после чего указанный механизм, движимый интересами следственной власти, функционирует уже без учета интересов потерпевшего, а то и вопреки его интересам.

В качестве иллюстрации абсурдности сложившейся правоприменительной практики приведем следующий пример из литературных источников: «В ходе следствия обвиняемый и потерпевшая достигли примирения. Потерпевшая направила ходатайство следователю о прекращении уголовного дела. Также потерпевшая направила руководителю следственного органа ходатайство о даче следователю согласия на прекращение уголовного дела, а вышестоящему руководителю следственного органа — ходатайство о проверке уголовного дела и даче указаний о прекращении уголовного дела. К данным процессуальным документам были приложены соглашение о примирении и возмещении имущественного и морального вреда, а также соответствующие расписки потерпевшей. Защитник обвиняемого также направил ходатайство о прекращении уголовного дела по ст. 25 УПК РФ.

В ходатайстве потерпевшая указывала, что материальный ущерб и моральный вред возмещены в полном объеме, и она не желает привлекать виновное лицо к уголовной ответственности.

Следствие отказало в удовлетворении всех ходатайств. Потерпевшая и защитник обжаловали отказ прокурору в порядке ст. 124 УПК РФ. В жалобе потерпевшая указала, что она категорически не согласна с принятым решением, так как примирилась с обвиняемым полностью, не намерена заявлять никаких претензий в будущем. Однако прокурор отказался удовлетворить поступившие на рассмотрение жалобы,

указав, что прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон является правом, а не обязанностью следователя» [17, с. 43].

При этом отметим, что это не единичный случай. Так, в соответствии с данными Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2019 г. мировыми судьями в связи с примирением с потерпевшими были прекращены уголовные дела в отношении 56,8 тыс. лиц³. Абсолютное большинство этих уголовных дел были расследованы и направлены в суд вместо того, чтобы быть прекращенными в ходе досудебного производства. Большинство из этих граждан примиряются уже в ходе досудебного производства, однако решение принимается только судом.

Причин, которые порождают подобные ситуации, множество. Это и статистические показатели, которые не хотят портить следственные органы, и вопросы противодействия коррупции, и многие другие, большинство из которых сводится к частным вопросам правоприменительной практики. При этом правоприменители не учитывают, что игнорирование интересов потерпевшего негативно влияет на состояние законности в целом. Процессуальный механизм применения норм уголовного права воспринимается исключительно как репрессивный механизм, ввиду чего граждане обращаются в правоохранительные органы только в самом крайнем случае. В качестве примера можно привести проблему бытового насилия, когда люди годами являются объектами преступных посягательств, но не решаются обратиться в полицию. После чего, находясь в долгой психотравмирующей ситуации, сами совершают тяжкие и особо тяжкие преступления, хотя при своевременном обращении в полицию можно было разрешить конфликтную ситуацию. Причина, по которой лица не обращаются в правоохранительные органы, зачастую сводится к боязни за судьбу лица, совершающего насильственные действия, а не за свою жизнь и здоровье. Осознание закрытости процесса, невозможности не то что им управлять, а даже принимать в нем сколько-нибудь значимое участие заставляет людей терпеть унижения и издевательства со стороны родственников. Ведь в противном случае близкий им человек будет привлечен к уголовной ответственности, подорвет здоровье в колонии,

³ Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2019 г. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/Obzor_sudebnoy_statistiki_o_deyatelnosti_federalnih_sudov_obshchey_yurisdiktsii_i_mirovih_sudey_v_2019_godu.pdf.

получит судимость, лишится работы и т.д. Указанные обстоятельства заставляют людей искать другие способы разрешения конфликтов вплоть до ответной агрессии, которая подчас приводит к причинению тяжкого вреда здоровью или смерти человека [18].

Например, в Белгородской области ответные действия супруги на насилие со стороны мужа, находящегося в состоянии алкогольного опьянения, привели к совершению ею преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ⁴.

Только сделав потерпевшего полноправным участником процесса, который будет сам определять (в случае если ущерб причинен только его интересам), хочет он привлечения лица к уголовной ответственности или нет, мы сможем повысить эффективность предупреждения преступлений.

Поэтому начать реформирование уголовного процесса предлагаем с упрощенных форм осуществления правосудия по уголовным делам. Так, Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ ввел новое основание освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в качестве меры уголовно-правового характера. Указанные новеллы в целом получили одобрение и поддержку большей части практикующих юристов. В научном сообществе отмечают, что за подобной альтернативной формой ответственности будущее, поскольку ни одно здоровое государство и общество не заинтересовано в постоянном увеличении числа граждан, имеющих судимость и опыт пребывания в местах лишения свободы.

Полностью соглашаясь с указанным высказыванием, хотелось бы заметить, что УПК РФ знает и другие основания освобождения от уголовной ответственности, однако эффективность их применения оставляет желать лучшего. При этом на практике обозначился вопрос, связанный с конкуренцией оснований освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных ст. 25 и 25.1 УПК РФ. Снять этот вопрос попытался Верховный Суд РФ в «Обзоре судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа»⁵, указав, что по уголовному делу, поступившему в суд с обвинительным заклю-

чением или обвинительным постановлением, если в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства будут установлены основания, предусмотренные ст. 25.1 УПК РФ, а стороны заявляют ходатайство об освобождении подсудимого от уголовной ответственности по иным основаниям (например, в связи с примирением сторон или с деятельным раскаянием), то суд прекращает уголовное дело по тому основанию, против которого не возражает подсудимый.

При этом в любом случае выводы суда о возможности освобождения от уголовной ответственности по тому или иному основанию должны быть должным образом мотивированы. Если в ходе судебного разбирательства суд придет к выводу о невозможности прекращения уголовного дела в связи с деятельным раскаянием либо примирением сторон, то он при отсутствии возражений подсудимого прекращает уголовное дело с назначением судебного штрафа.

Например, Тындинский районный суд Амурской области, придя к выводу о невозможности прекращения уголовного преследования на основании ст. 28 УПК РФ, в связи с деятельным раскаянием освободил подсудимого от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа⁶.

Н.А. Колоколов в связи с этим совершенно справедливо указывает, что зафиксированное в ч. 1 ст. 25.1 УПК РФ право суда на применение ст. 76.2 УК РФ к конкретному лицу, действия которого соответствуют всем требованиям закона, фактически равно обязанности суда, поскольку немотивированный отказ в применении ст. 76.2 УК РФ противоречит сути анализируемой нормы [19].

У нас возник вопрос, почему аналогичным образом сконструированная статья 25 УПК РФ не воспринимается таким же образом. Почему немотивированный отказ следователя (дознавателя) в прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон воспринимается как само собой разумеющееся явление? Что мешает нам законодательно обязать следователя (дознавателя) прекращать уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных ст. 76

⁴ Приговор Белгородского районного суда Белгородской области № 1-190/2017 от 26 декабря 2017 г. по делу № 1-190/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/g2550aGri3m8>.

⁵ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) : утв. Президиумом Верхов. Суда РФ 10 июля 2019 г. // ИПО «Гарант».

⁶ Постановление Тындинского районного суда Амурской области от 7 июня 2017 г. // Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) : утв. Президиумом Верхов. Суда РФ 10 июля 2019 г. URL: <https://26.xn--b1aew.xn--p1ai/document/18112537>.

УК РФ, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред? Зачем продолжать уголовное преследование? Кому нужна установленная следователем истина, а тем более воспроизводство судимого населения страны в то время, когда уголовная и уголовно-процессуальная политика идут по пути декриминализации, гуманизации уголовного и уголовно-процессуального права [20; 21]?

Отмечу, что такие предложения не раз звучали в научных кругах, однако так и остались нереализованными, и правоприменительная практика здесь ни при чем. Причины, по которым мы не можем заставить работать ст. 25 УПК РФ, куда глубже, чем кажется на первый взгляд. Они лежат в плоскости доктрины уголовного судопроизводства, основанной на юридическом позитивизме, занимающем господствующее положение в современной теории российского права, исходя из которого уголовный процесс в лучшем случае — это форма применения уголовного закона. Отметим, что такое понимание уголовного процесса хотя и очень распространено, но фактически низводит его до правил, по которым устанавливается объективная картина преступления. Соответственно, задача следователя эту картину установить и правильно применить соответствующую норму УК РФ.

В таком контексте для института прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон не может быть места [22]. Поэтому нельзя просто обязать следователя принимать решение о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон при наличии предусмотренных законом оснований, кроме того, это породит множество других проблем. Ввиду чего мы предлагаем усовершенствовать форму такого прекращения, взяв за основу процедуру, предусмотренную для судебного штрафа, в ходе которой следователь (дознатель), установив наличие оснований, предусмотренных ст. 76 УК РФ, возбуждает с согласия руководителя следственного органа перед судом ходатайство о прекращении уголовного дела и вместе с материалами уголовного дела направляет его в суд, который, в свою очередь, с участием сторон рассматривает поступившее ходатайство и принимает итоговое решение.

Основным отличием в процедуре прекращения уголовных дел по ст. 25 и 25.1 УПК РФ нам видится обязанность устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию.

Напомним, что при рассмотрении ходатайства следователя о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа суд должен

убедиться в том, что предъявленное лицу обвинение в совершении преступления небольшой или средней тяжести обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, размер ущерба или иного причиненного преступлением вреда определен верно и в материалах содержатся достаточные сведения, позволяющие суду принять итоговое решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении обвиняемому меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Такую позицию сформулировал Верховный Суд РФ в «Обзоре судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа»⁷, фактически запретив использовать применение судебного штрафа как компромисс между обвинением и защитой.

Так, Ленинский районный суд Еврейской автономной области отказал в удовлетворении ходатайства следователя о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа, придя к выводу о том, что выдвинутое обвинение не соответствует фактическим обстоятельствам дела и не подтверждается собранными доказательствами, связанными со способом совершения преступления⁸.

По нашему мнению, при прекращении уголовного дела за примирением сторон доказыванию подлежит только наличие оснований, предусмотренных ст. 76 УК РФ. При их установлении следователь обязан возбудить перед судом соответствующее ходатайство, а суд, убедившись в их существовании, вынести решение о прекращении уголовного дела.

Указанные изменения, по нашему мнению, мотивируют следователей (дознателей) применять основание, предусмотренное ст. 25 УПК РФ, что позволит экономить денежные средства, затраченные на расследование уголовных дел, при этом повысив способность уголовного судопроизводства разрешать конфликты уголовно-правового характера, возникающие в обществе.

В свою очередь, интенсивный путь развития уголовно-процессуальной политики — это использование уголовно-процессуальной плат-

⁷ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ).

⁸ Постановление Ленинского районного суда Еврейской автономной области от 31 мая 2017 г. // Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) : утв. Президиумом Верхов. Суда РФ 10 июля 2019 г. URL: <https://26.xn--b1aew.xn--p1ai/document/18112537>.

формы для разрешения социальных конфликтов, когда общество будет более полно вовлечено в деятельность по предупреждению

преступлений, что повысит эффективность функционирования всей правоохранительной системы в сфере противодействия преступности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / А.И. Александров ; под ред. В.З. Лукашевича. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. — 559 с.
2. Сальников В.П. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России / В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников // Юридическая наука: история и современность. — 2016. — № 5. — С. 94–107.
3. Малышева О.А. Уголовная политика и уголовно-процессуальный закон / О.А. Малышева // Мировой судья. — 2004. — № 2. — С. 25–28.
4. Азаров В.А. Деструктивные факторы стратегии развития уголовно-процессуального законодательства России / В.А. Азаров. — DOI 10.17223/22253513/33/5 // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2019. — № 33. — С. 49–59.
5. Александров А.С. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации / А.С. Александров, О.И. Андреева, О.А. Зайцев. — DOI 10.17223/15617793/448/25 // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 448. — С. 199–207.
6. Путин В.В. Выступление на расширенном заседании коллегии МВД России / В.В. Путин // Президент России. — Москва, 2019. — 28 февр. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59913>.
7. Ильин П.В. Процессуальное обеспечение прав потерпевшего в досудебном производстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / П.В. Ильин. — Москва, 2015. — 246 с.
8. Алексеев И.М. Перспективы дифференциации уголовно-процессуальной формы / И.М. Алексеев // Уголовное судопроизводство России: современное состояние и перспективы развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Краснодар, 18–19 апр. 2019 г. — Краснодар, 2019. — С. 5–8.
9. Будилов В.М. Общая теория права в интегральном контексте: продолжение диалога (к выходу второго издания учебника А.В. Полякова «Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода») / В.М. Будилов. — DOI 10.21638/11701/spbu14.2017.101 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2017. — Т. 8, № 1. — С. 4–25.
10. Wybraniec-Skardowska U. A Logical Conceptualization of Knowledge on the Notion of Language Communication / U. Wybraniec-Skardowska. — DOI 10.1515/slgr-2017-0054 // Studies in Logic, Grammar and Rhetoric. — 2017. — Vol. 52, iss. 65. — P. 247–269.
11. Apel K.-O. Szientistik, Hermeneutik, Ideologiekritik. Entwurf einer Wissenschaftslehre in Erkenntnisantropologischer Sicht / K.-O. Apel. — DOI 10.1007/BF01252592 // Hermeneutik und Ideologiekritik. — Frankfurt am Main, 1971. — S. 7–44.
12. Gadamer H.-G. Rhetorik, Hermeneutik und Ideologiekritik. Metakritische Erörterung zu «Wahrheit und Methode» / H.-G. Gadamer // Hermeneutik und Ideologiekritik / ed. K.-O. Apel. — Frankfurt am Main, 1971. — S. 57–82.
13. Habermas J. Der Universalitätsanspruch der Hermeneutik / J. Habermas // Hermeneutik und Ideologiekritik / ed. K.-O. Apel. — Frankfurt am Main, 1971. — S. 120–159.
14. Priel D. Trouble for Legal Positivism / D. Priel. — DOI 10.1017/S1352325206060083 // Legal Theory. — 2006. — Vol. 12, № 3. — P. 225–263.
15. Головки Л.В. Постсоветская теория права: трудности позиционирования в историческом и сравнительно-правовом контексте / Л.В. Головки // Проблемы постсоветской теории и философии права : сб. ст. — Москва, 2016. — С. 92–126.
16. Смирнов А.В. Формальные средства юридического доказывания в уголовном праве и процессе / А.В. Смирнов // Юридическая истина в уголовном праве и процессе : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. К.Б. Калиновского, Л.А. Зашляпина. — Санкт-Петербург, 2018. — С. 9–23.
17. Бородин С.В. Судебный штраф и примирение сторон. Как сочетать два основания прекращения дела / С.В. Бородин, А.Н. Кузнецов, А.П. Азаров // Уголовный процесс. — 2019. — № 10 (178). — С. 42–47.
18. Медиация в уголовном процессе: анализ правового регулирования в Федеративной Республике Германия / У.Б. Филатова, А.С. Архипкина, С.Ю. Некрасов, И.В. Архипкин. — DOI 10.17150/2500-4255.2017.11(4).824-832 // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 4. — С. 824–832.
19. Колоколов Н.А. Судебный штраф: как преодолеть незаконный отказ в освобождении от уголовной ответственности / Н.А. Колоколов // Уголовный процесс. — 2019. — № 10 (178). — С. 56–57.
20. Гаврилов Б.Я. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика / Б.Я. Гаврилов, В.П. Божьев // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2017. — № 2 (38). — С. 74–81.
21. Григорьев В.Н. Уголовно-процессуальная форма или административный регламент: современные тренды / В.Н. Григорьев. — DOI 10.21638/11701/spbu14.2018.103 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2018. — Т. 9, № 1. — С. 42–51.
22. Марковичева Е.В. Борьба с преступностью и назначение уголовного судопроизводства: критерии разработки оптимальной уголовно-процессуальной стратегии в отношении несовершеннолетних / Е.В. Марковичева, И.Г. Смирнова. — DOI 10.17150/1996-7756.2016.10(2).331-338 // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10, № 2. — С. 339–348.

REFERENCES

1. Alexandrov A.I.; Lukashevich V.Z. (ed.). *Criminal Policy and Criminal Procedure in the Russian Statehood: History, Modernity, Prospects, Problems*. Saint Petersburg State University Publ., 2003. 559 p.
2. Salnikov V.P., Zakhartsev S.I., Salnikov M.V. Criminal Law Policy as Part of Modern Russian Criminal Policy. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence*, 2016, no. 5, pp. 94–107. (In Russian).

3. Malysheva O.A. Criminal Policy and Criminal Procedure Law. *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*, 2004, no. 2, pp. 25–28. (In Russian).
4. Azarov V.A. Destructive Factors of the Strategy for the Development of Criminal Procedure Legislation in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2019, no. 33, pp. 49–59. DOI: 10.17223/22253513/33/5. (In Russian).
5. Alexandrov A.S., Andreeva O.I., Zaytsev O.A. On Development Prospects of the Russian Criminal Proceeding in the Context of Digitalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2019, no. 448, pp. 199–207. DOI: 10.17223/15617793/448/25. (In Russian).
6. Putin V.V. Speech at an Expanded Meeting of the Collegium of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *President of Russia*. 2019, Feb. 28. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59913>. (In Russian).
7. Iljin P.V. Procedural support of the rights of victims in pre-trial proceedings. Cand. Diss. Moscow, 2015. 246 p.
8. Alekseev I.M. Prospects for the Differentiation of the Criminal Procedural Form. *Criminal Proceedings in Russia: Current State and Development Prospects. Materials of All-Russian Research Conference, Krasnodar, April 18–19, 2019*. Krasnodar, 2019, pp. 5–8. (In Russian).
9. Budilov V.M. General Theory of Law in the Integrate Context: the Continuation of the Dialogue (Devoted to the Second Edition of the Manual A.V. Polyakov «General Theory of Law: Problems of Interpretation in the Context of the Communicative Approach»). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint-Petersburg University. Law*, 2017, vol. 8, no. 1, pp. 4–25. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu14.2017.101.
10. Wybraniec-Skardowska U. A Logical Conceptualization of Knowledge on the Notion of Language Communication. *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*, 2017, vol. 52, iss. 65, pp. 247–269. DOI: 10.1515/slgr-2017-0054.
11. Apel K.-O. Szientistik, Hermeneutik, Ideologiekritik. Entwurf einer Wissenschaftslehre in Erkenntnisantropologischer Sicht. *Hermeneutik und Ideologiekritik*. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 1971, S. 7–44.
12. Gadamer H.-G. Rhetorik, Hermeneutik und Ideologiekritik. Metakritische Erörterung zu «Wahrheit und Methode». In Apel K.-O. (ed.). *Hermeneutik und Ideologiekritik*, Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 1971, S. 57–82.
13. Habermas J. Der Universalitätsanspruch der Hermeneutik. In Apel K.-O. (ed.). *Hermeneutik und Ideologiekritik*. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 1971, S. 120–159.
14. Priel D. Trouble for Legal Positivism. *Legal Theory*, 2006, vol. 12, no. 3, pp. 225–263. DOI: 10.1017/S135232520600083.
15. Golovko L.V. Post-Soviet Theory of Law: Difficulties of Positioning in Historical and Comparative Context. *Problems of Post-Soviet Theory and Philosophy of Law*. Moscow, 2016, pp. 92–126. (In Russian).
16. Smirnov A.V. Formal Means of Legal Proof in Criminal Law and Procedure. In Kalinovsky K.B., Zashlyapin L.A. (eds.). *Legal Truth in Criminal Law and Process*. Saint Petersburg, 2018, pp. 9–23. (In Russian).
17. Borodin S.V., Kuznetsov A.N., Azarov A.P. Judicial Fine and Reconciliation of the Parties. The Problem of Combining two Grounds for Termination. *Ugolovnyi protsess = Criminal Procedure*, 2019, no. 10, pp. 42–47. (In Russian).
18. Filatova U.B., Arkhipkina A.S., Nekrasov S.Yu., Arkhipkin I.V. Mediation in Criminal Process: the Analysis of Legal Regulation in the Federal Republic of Germany. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 4, pp. 824–832. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).824-832. (In Russian).
19. Kolokolov N.A. Court Fine: how to Overcome Illegal Refusal of Exemption from Criminal Liability. *Ugolovnyi protsess = Criminal Procedure*, 2019, no. 10, pp. 56–57. (In Russian).
20. Gavrilov B.Ya., Bozhev V.P. The Concept of Improving Pre-Trial Proceedings in the XXI Century: Opinion of Science and Practice. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practical: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2017, no. 2, pp. 74–81. (In Russian).
21. Grigoryev V.N. Criminal-Procedural Form or Administrative Regulations: Contemporary Trends. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint-Petersburg University. Law*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 42–51. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2018.103. (In Russian).
22. Markovicheva E.V., Smirnova I.G. Crime Counteraction and the Purpose of Criminal Court Proceedings: Criteria of Developing the Optimal Criminal Procedure Strategy for Juveniles. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2016, vol. 10, no. 2, pp. 331–338. DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(2).331-338. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонов Игорь Алексеевич — профессор, начальник кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: docantonov@yandex.ru.

Алексеев Игорь Михайлович — доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, г. Краснодар, Российская Федерация; e-mail: ialekseev15@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Антонов И.А. Проблемы реализации уголовно-процессуальной политики в сфере профилактики преступлений / И.А. Антонов, И.М. Алексеев. — DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(3).401-408 // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 3. — С. 401–408.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Antonov, Igor A. — Professor, Head, Chair of Managing Crime Investigation Bodies, Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Moscow, the Russian Federation; e-mail: docantonov@yandex.ru.

Alekseev, Igor M. — Ass. Professor, Deputy Head, Chair of Criminal Process, Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia, Ph.D. in Law, Krasnodar, the Russian Federation; e-mail: ialekseev15@mail.ru.

FOR CITATION

Antonov I.A., Alekseev, I.M. Problems of implementing the criminal procedure policy in crime prevention. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 3, pp. 401–408. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(3).401-408. (In Russian).